

ALKIŠ VIŤIG

Scripta in honorem
D.M. Nasilov

Сборник статей к 80-летию
Д.М. Насилова

МОСКВА
МБА
2015

УДК 811.512.151

ББК 81.63

А 50

Ответственный редактор:

Е.А. Оганова (Москва)

Редакторы:

А.Х. Гирфанова (Санкт-Петербург),

И.А. Невская (Франкфурт-на-Майне, Новосибирск)

Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. — М.: ООО «Издательство МБА», 2015. — 487 с.

ISBN 978-5-9906180-8-4

Данный сборник посвящен 80-летию доктора филологических наук профессора заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова Д.М. Насилова. Статьи отражают ключевые проблемы современной тюркской лингвистики, литературоведения и культурологии и рассчитаны на специализирующихся в этой области работников вузов, академической науки, аспирантов, студентов и всех интересующихся актуальными вопросами современной тюркологии.

УДК 811.512.151

ББК 81.63

ISBN 978-5-9906180-8-4

© Коллектив авторов, 2015

© Издательство МБА, 2015

И.А. КЫЗЛАСОВ

К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв.

Давно и хорошо известен обычай установки тюрками-тугю VIII в. стел с обширными эпитафийными надписями в поминальных святилищах наиболее выдающихся государственных деятелей Второго Восточно-тюркского каганата. Эта традиция была продолжена на тех же землях Уйгурским каганатом в середине VIII — середине IX вв. В обоих государствах для создания таких памятников применялось лишь *орхонское письмо*.

Другой рунический алфавит — *енисейский* — использовался в Древнехакасском государстве¹; оставившем в Южной Сибири многочисленные эпитафии иного типа, сопутствующие курганным захоронениям древних хакасов, а также отчасти и воспринявшим этот эпитафийный обычай чиков.

Самобытность обрядового размещения, различие алфавитов и канонов расположения на стелах письмен и тамговых знаков позволяют ныне, еще не приступая к прочтению самих текстов (несходных по жанру и содержанию, тем самым во многом и по назначению), отличать эпитафийные памятники двух государственных традиций, двух письменных миров — орхонского и енисейского (рис. 1) [Кызласов 1994: 208–235, рис. 36].

Памятники орхонского письма по палеографическим признакам разделяются на два историко-культурных типа. Один был присущ Второму Восточнотюркскому (старшее орхонское письмо, знавшее классические формы знаков), другой — Уйгурскому каганату (младшее орхонское письмо, в чьих ру-

¹ Которое не в этническом, а лишь в политическом смысле допустимо именовать Кыргызским.

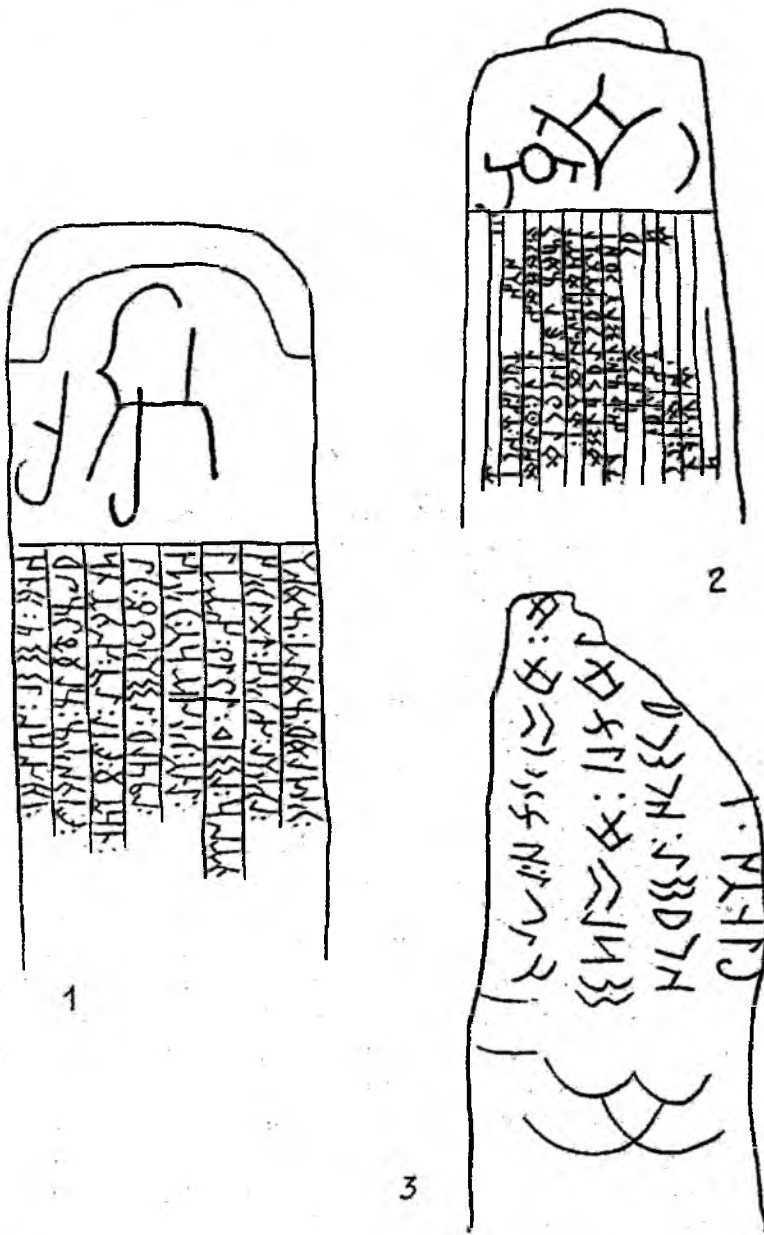

Рис. 1.

Оформление рунических эпитафий.

Образцы орхонского (1, 2) и енисейского (3) канонов.

1 — Второй Восточнотюркский каганат, 2 — Уйгурский каганат,
3 — Древнехакасское государство.

нах проступает енисейское влияние [Кызласов 1994: 80–93], а на цоколе стелы ставится тамга писца-каменотеса)² [Кляшторный 1980: 95, табл. 1; 1987: табл. 2; Кызласов 2004: 115, 116, рис. 6, 7]. Памятники енисейской письменности, наиболее широко распространившейся в Сибири, Центральной и Средней Азии, по алфавитным особенностям пока не могут быть разделены во времени. Но иные палеографические признаки позволяют надежно различать в этом эпиграфическом массиве своеобразие местных письменных традиций, выделяя варианты енисейского письма и очерчивая их ареалы.

В результате тюркская рунология сегодня в состоянии предоставить каждой исторической области Саяно-Алтайского нагорья (Хакасии, Туве, Алтаю) характеристику рунических памятников, созданных не пришлым, а автохтонным населением. При активном взаимодействии раннесредневекового населения этих мест, нередко вызывавшего в ту эпоху не только культурные изменения, но и изменения политических и этнических границ, такие признаки местной самобытности исключительно важны. Они не только выявляют подлинный высокий уровень социального развития общества, но и впервые предоставляют данные для постижения его ранних языковых особенностей, дополняя результаты исторических и археологических исследований ранней национальной истории каждого современного южносибирского края.

Подобные рунологические изыскания уже в значительной мере осуществлены в отношении Хакасско-Минусинской котловины и высокогорий Алтая. Настал черед Тувинской котловины. Выполняя новую для нашей науки задачу, отвлекаясь от анализа известных поминальных памятников пришлого для этих земель тюркоязычного населения IX–X и последующих веков (древних хакасов (кыргызов) и алтайских тюрок) — в первом случае носителей классической енисейской традиции рунического письма, а во втором недавно обособленной южноенисейской рунической письменности. Отмечу, что в Тувинской котловине до сих пор не найдено ни одной рунической надписи, выполненной орхонским письмом Второго Восточнотюркского или Уйгурского каганатов.

Интересующие нас сегодня каменные стелы с руническими эпитафиями, созданными аборигенным населением верхнеенисейских долин в VIII–XII вв., четко разделяются на две группы по многим основополагающим признакам: принадлежности к комплексам разного назначения, ориентаций по странам света, составу обязательных элементов памятных стел, принципам размещения

² Вне рассматриваемой здесь официальной камнеписной традиции младшее орхонское руническое письмо продолжало в IX–X вв. использоваться и в уйгурских государствах Восточного Туркестана, прежде всего в манихейских монастырских общинах (сводный очерк и библиографию см.: [Кляшторный 1992: 336–348; Литвинский, Смагина 1992: 524–532]). В той же религиозной среде в пещерных обиталищах отмечены и енисейские настенные граффити, определенно свидетельствующие о пребывании в монастырях и выходцев из Дрвнсхакасского государства [Radloff 1899: 81; Кызласов 1994: 197, рис. 29].

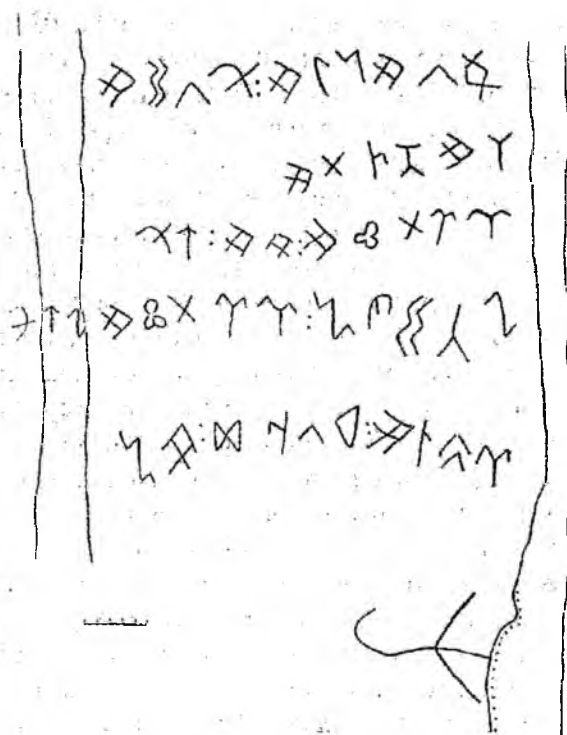

Рис. 2.

Надпись и тамга чикской стелы Уюк-Аржан (Е 2). Прорисовка автора.

на них текста, наборам и облику составляющих надпись рунических знаков, содержанию самих эпитафий. Столь системные расхождения приводят к мысли о различных культурных истоках этих двух вычленяемых ныне традиций памятных стел. Возникает серьезная и трудно разрешимая на имеющихся сегодня скудных данных проблема соотношения каждого эпитафийного типа с известными нам группами тюркоязычного населения Тувинской котловины той эпохи.

Памятники 1-ой группы. По единственному памятнику — стеле Уюк-Аржан (Е 2), стоявшей к востоку от археологически изученного *погребально-го кургана*, — первый тип эпитафий относится к чикам и датируется концом VIII — началом IX в. [Кызласов 1960: 97–100]. Вероятно, для всех подобных стел (в древности или ныне утративших места первоначального размещения) была характерна установка к востоку от захоронения, в чем следует видеть несомненное воздействие классической традиции енисейских памятных стел, первоначально сложившейся на Среднем Енисее. С нею чикские стелы этой группы роднит и обязательное высекание лично-семейной тамги умершего

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Знаки Надпись	ab	ic	uj	is	iq	ti	dk/ed	mi	i	e	z	γ	z	p'	?	γ
E 56	□							⊗	Y							
E 49				⊗	▷	⊗ ₂	⊗ ₂		Y	Y						
E 47		Y	Y													
E 41	⊗ ₉ □	Y ₅ Y ₂	Y	▷ ₂	⊗			⊗ ₄	Y		Y ₁₂	Y ₄	Y			
E 16	□ ₂									Y	Y					
E 15	□							⊗ ₃	Y	Y		Y ₂				
E 65	□															⊗ ₉
E 68 оборот	◇ ₅	Y	Y	▷	▷			⊗	Y	Y		Y				Y ₄
E 2				⊗	▷			⊗ ₂	Y	Y						

Рис. 3.

Употребление архаичных знаков в надписях Тувы
(особо показательны № 1, 4, 6–9).

(в виде «птичьей лапки») ниже поминального текста, строки которого направлены снизу вверх (E 51, E 109, E 110). Именно самобытность тамг объединяет эти стелы в единую группу. Стела E 2 указывает и на другую былую отличительную черту чикского рунического письма (видимо, утраченную к IX в.) — не продольное, а поперечное расположение строк надписи на вертикальной стеле (рис. 2). По этому признаку к чикским принадлежит и эпитафия Эль-Бажи (E 68/1). В обоих случаях горизонтальные строки читаются по восходящей лесенке — от нижней к верхней [Кызласов 1998: 68–72, рис. 2–4]. В надписях на стелах E 2 и E 68/1 употреблены очень редкие рунические знаки, ныне известные только в пределах Тувинской котловины (рис. 3) и позволившие выделить особый палеографический вариант енисейской письменности.

сти — тувинский [Кызласов 1994: 116–124, табл. XXXI–XXXV]. Можно думать, что памятники сохранили своеобразие древнего и архаичного рунического алфавита — общего предка енисейской и орхонской письменности, условно названного верхнеенисейским. Его знаки, кроме названных стел, отличаются ещё 7 эпитафий Тувы X–XII вв. (рис. 3), водруженных по древнехакасским канонам (Е 15, Е 16, Е 41, Е 42, Е 49, Е 56) и отмеченных тамгами родовитых фамилий Среднего Енисея. Это означает, что чикские писари и камнерезы, с первой трети IX в. оказавшиеся в составе нового государства, соблюдали его официальные устои, и, служа пришедшей кыргызской знати вплоть до установки памятных стел ее представителям, одновременно сохраняли самобытную письменность предков.

По этой причине не приходится надеяться на возможность выявить особенности *местной* речи, разделив эпитафийные тексты Тувы по тамговым группам, поскольку геральдические знаки характеризовали умерших пришельцев³, а надписи отразили язык писавших аборигенов. Своеобразие языка возможно установить лишь в пределах тех групп надписей, которые точно очерчены палеографически. Одну из таких речевых особенностей следует показать ниже.

Памятники 2-ой группы. Другая часть эпитафийных памятников была воздвигнута в долинах Верхнего Енисея в память о местных витязях. Эти стелы устанавливались не у погребальных, а у поминальных курганов и не к востоку, а к северо-западу или западу от них (Е 57, Е 58, Е 60) [Кызласов 2010]. Нет на этих камнях и тамг умерших. Та же особенность присуща стелам Е 4 и Е 64. Влияние классического енисейского эпитафийного канона, пришедшего для Тувинской котловины, сказалось в другом — в вертикальном размещении всех этих надписей, направленных снизу вверх, а также в содержании и построении текста стел Е 58 и Е 60. Самобытные особенности местного обрядового письма проявились в исключительной краткости остальных указанных эпитафий, содержащих лишь имена и титулы умерших [Кызласов 1994: 182, 183, рис. 15]: *kčē qj(a)γ(a)n ičr(ä)ki* (Е 4), *b(e)čü čur (~ čor)* (Е 57), *jük(ü)nc t(i)rig* (Е 64) [Кызласов 1994: 182, 183, рис. 15]. Целиком сохранившаяся стела Е 57 выявляет и другую отличительную черту изучаемых памятников — размещение единственной строки лаконичного текста по левому краю широкой поверхности камня (рис. 4).

³ Понимая это, не следует именовать тамги эпитафий Верхнего Енисея восточно- или западно-тувинскими и т.п. (см.: [Кормушин 1997; 2008]), искусственно отрывая их от породивших засаянские серии геральдических знаков Среднего Енисея (см.: [Кызласов 1960; 1965]). Так называемый северо-тувинский тип («птичья лапка») известен в пределах Горного Алтая [Кызласов 2004: рис. 9].

Рис. 4.
Эпитафия Сайгын (Е 57),
нанесенная на олений камень — стелу раннего железного века.
Прорисовка автора.

Сложно определить тот народ, с культурой которого связаны названные особенности тувинских эпитафий. Подобные поминальные курганы со стелами распространены по всей территории котловины. Краткость текста, размещенного по краю камня, сближает наши стелы с енисейскими эпитафиями верховой Чуи на Алтае (также лишенными тамговых знаков умерших) [Кызласов 1997]. Обе эти особенности присущи и надписям, нанесенным в самой Туве все еще не расшифрованным южноенисейским руническим алфавитом (долина Эдегея: Ю 12, Ю 13, Ю 16). И алтайские, и загадочные по письму тувинские стелы Эдегея стоят у поминальных памятников, но уже не у курганов, а внутри оградок. Надо думать, что на Верхнем Енисее по крайней мере часть одиночно стоящих стел с надписями также принадлежит к рассматриваемой группе аборигенных памятников.

В результате проделанной работы (сегодня еще не завершенной) впервые возникает возможность выделить из общего массива енисейских рунических текстов те, что составлены местными грамотеями. Неоспоримо значение та-

кой систематизации для точной реконструкции непознанных еще особенностей автохтонной культуры. Однако ныне обратим внимание на другое. Несмотря на применение общего для эпохи литературного рунического языка, мы получаем основу для отыскания в надписях особенностей местной речи раннего средневековья. В отношении показанной чикской группы эпитафий, выполненных тувинским вариантом енисейского письма, такое языковое своеобразие может быть намечено. Приведу примеры применения в надписях начального знака для γ/g в тех случаях, где по общей норме следовало написать q/k . Можно думать, что эти тексты IX–XI вв. отражают произношение, устойчиво отличавшее местное население. Обоснования прочтения приводимых ниже строк докладывались ранее [Кызласов 2003]⁴.

Малиновка (Е 56, XI–XII вв., рис. 5): (1) (e)r (a)t:(i)m γ ut(a)š (e)r (e)r[d](ā)mim... (2) γ (a)d(a)š : (e)s(i)z(i)m : -ā bōk[m(ā)d(i)m] '(1) Моё имя эра — Куташ. Моя геройская доблесть ... (2) (Мои) сподвижники, о горе, я не наслаждался (вами)' [Кызласов 1977; 1994: 117–122, табл. XXXI–XXXIV].

Хемчик-Чиргаккы (Е 41, конец X в.): ... (7) bašča b(a)rim : j(a)šca :: j²(i)l²qñ : (e)s(i)z(i)m-ā : (a)bda : g(e)j(i)k : t(a)m(a)q : (e)n(ā)[r] (e)rg(ā)j 'Подобно (волосам на) голове (бесчисленный) скот, подобно (годам ~ дням) жизни (многочисленные) кони, о горе, дичь на охоте (и) пища (в доме) — будут уменьшаться'. ... (9) s(e)k(i)z : j(e)tmiš jaš(i)m (a)r(i)l²t²(i)m :: (e)s(i)z(i)m-ā : γ (a)m(a) γ (γ)a : (a)ltm(i)š (a)t : b(i)nt(i)m 'Моих лет — 68. Я изнурился, о горе. Всего я ездил верхом на 60 лошадах.' (ср. также γ aš γ a в стк. 5а) [Кызласов 1994: 117–122, табл. XXXI–XXXIV]⁵.

Важно, что ту же речевую особенность встречаем в некоторых надписях Тувы, подчиненных классическому енисейскому канону: памятник Д (Е 51, начало IX в.): (1) (e)r (a)t(i)m : k(ō)čūk t(i)r(i)g : b(e)n : (e)s(i)z(i)m-ā : q(a)d(a)š(i)m-a : (e)s(i)z-ā : γ ol(a)n(i)m-a : (e)bč(i)m-ā (a)d(i)r(i)l[d(i)]m-a (2) el(i)m q(a)n(ā)m-a : (e)s(i)z(i)m-ā : er (e)rd(ā)mi : toq(u)z : oyd(a)md(a)m-a : j(e)r(i)m (e)s(i)z-ā... '(1) (Вот) моё имя эра — я Кёчюк Тириг. О горе, от моих товарищей, о горе, от моего пояса, от моих домашних (~ жены) я удалился. (2) От моих владений и моего хана, о горе, доблести воина (моей), моей земли в девять перестрелов, о горе, (я удалился)...' (oydamdam — 'расстояние в полет стрелы', см. также: Е 70,3; Е 109,3; Е 110,7; иное восприятие надписи: [Кормушин 1997: 260–264; 2008: 143]).

⁴ Ниже подчеркнутая пара букв передает один рунический знак оригинала.

⁵ Именно применение редких рун, свойственных лишь для автохтонной письменной культуры Тувы, да столь же своеобразное использование начального γ/g вместо ожидаемого q/k так долго препятствовало прочтению этого памятника — см.: (Малов 1936: 259–267, фиг. 4, 5; 1952: 73–75, рис. 15; Кормушин 2008: 41–57, 129). Памятник скопирован и прочитан мною в Минусинском музее в 1991 г.

Рис. 5.

Эпитафия Малиновка (Е 56). По прорисовке Л.Р. Кызласова (1947 г.).

Существование рунических надписей различных по происхождению традиций указывает на притягательность Тувы для образованных людей раннего средневековья.

Тюркологией давно замечено разделение тюркских языков на две большие группы по звонкому или глухому началу слова. Первое отличает так называемые огузские языки, второе — кыпчакские. Н.К. Дмитриев озвонченное начало в азербайджанском, туркменском и кумыкском языках считал особенностью тюркских языков Прикаспия и объяснял воздействием иранских языков [Дмитриев 1940: 14]. Ю.З. Гаджиева видела в озвонченном начале стихийную системно обусловленную и повсеместную тенденцию развития самих тюркских языков, исходно отличавшихся глухим началом слова [Гаджиева 1978: 65–68]. Не входя в эту проблему, оставим лингвистам объяснение природы звонкого начала γ/g , устойчиво встречаемого в письменных памятниках раннесредневековых чиков Тувы. Указанная черта, быть может, не только письменного, но и разговорного языка чиков, ставит его в обособленное положение. Пожалуй, сегодня нет достаточных ни исторических, ни лингвисти-

ческих источников, чтобы разрешить отмеченную задачу. В то же время необходимо признать, что само ее возникновение ощутимо меняет наши представления о состоянии раннесредневековых тюркских языков Южной Сибири и Центральной Азии.

Изложенные наблюдения позволяют наметить характерные особенности, выделяющие автохтонные эпитафийные рунические надписи Тувы VIII–XII вв. по ряду основных историко-культурных и эпиграфических критериев. Такими прежде всего являются:

1. Размещение стелы не у погребального, а у поминального кургана с северо-западной или западной его стороны.
2. Короткий текст в одну строку, размещенный вдоль левого края лицевой поверхности стелы.
3. Отсутствие на стеле личного тамгового знака умершего.
4. Сведение эпитафийной надписи лишь к указанию имени и титула умершего.
5. Употребление ряда архаичных знаков слоговой природы.
6. Применение звонкого начального γ/g вместо q/k .

Добавим к этому применение енисейского алфавита и иные проявления разной степени воздействия пришлого с севера эпитафийного канона: размещение надписи снизу вверх (вопреки самобытному написанию строк поперек стелы), появление личпо-фамильных тамг у основания текста, установку стел к востоку и юго-востоку от погребального кургана. Вполне обычно и вторичное использование изваяний и менгиров раннего железного века.

Сама редкость автохтонных камнеписных эпитафий Тувы — также своеобразная их особенность. В целом у чиков верховьев Енисея обычай поминальных надписей так и не получил широкого распространения. Однако существуют некоторые особенности, указывающие на природу его появления. Таковы следы полногласного написания (см. выше Е 4 и Е 64), присущего манихейской рунической орфографии [Кызласов 1999]. Воздействие манихейской грамотности привело и к появлению на до того бесписьменных камнях классических эпитафий Среднего Енисея.

Обычай поминальных написаний на стелах не был воспринят и раннесредневековым населением Горного Алтая. Но среди редких эпитафий, ныне известных только в верховьях Чуи, также отмечается, как говорилось, размещение короткого текста в одну строку вдоль левого края камня, известно и начертание одного лишь имени поминаемого. Самобытно размещение алтайских писанных стел — они стоят внутри поминальных оград, которые, как и сами вторично использованные стелы, сооружены в раннем железном веке.

Литература

- Гаджиева 1978 — *Гаджиева Н.З.* О трех этапах изменений афлатных согласных в истории тюркских языков // Тюркологический сборник. 1974. М.: Наука, 1978. — С. 65–71.
- Дмитриев 1940 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 206 с.
- Кляшторный 1980 — *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись // Советская тюркология, 1980, № 3. — С. 82–95.
- Кляшторный 1987 — *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. — С. 19–37.
- Кляшторный 1992 — *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М.: Наука, 1992. — С. 336–348.
- Кормушин 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. — М.: Наука, 1997. — 303 с.
- Кормушин 2008 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. — М.: Наука, 2008. — 342 с.
- Кызласов 1994 — *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М.: Наука, 1994. — 327 с.
- Кызласов 1997 — *Кызласов И.Л.* Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. — М., 1997. — С. 40–69.
- Кызласов 1998 — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998, № 2. — С. 68–84.
- Кызласов 1999 — *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. — М., 1999. — С. 85–112.
- Кызласов 2003 — *Кызласов И.Л.* Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Международный симпозиум, посвященный 110-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности. — Кызыл, 2003. — С. 17–20.
- Кызласов 2004 — *Кызласов И.Л.* Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. — М.: ИА РАН, 2004. — С. 104–122.
- Кызласов 2010 — *Кызласов И.Л.* Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (К расселению и ранней истории чиков) // Российская археология, 2010, № 4. — С. 88–100.
- Кызласов 1960 — *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960, № 3. — С. 93–120.
- Кызласов 1965 — *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965, № 3. — С. 38–49.
- Малов 1936 — *Малов С.Е.* Новые памятники с турецкими рунами // Язык и мышление, 1936, VI–VII. — С. 251–279.
- Малов 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 116 с.
- Литвинский, Смагина 1992 — *Литвинский Б.А., Смагина Е.Б.* Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. — М.: Наука, 1992. — С. 528–532.
- Radloff 1899 — *Radloff W.* Altuigurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. — SPb., 1899, H. 1.

АННОТАЦИЯ

Рунические эпитафии Тувы, созданные аборигенами в VIII–XII вв., отличаются от классических енисейских стел расположением у поминальных курганов с западной стороны, краткостью текста, написанного в одну строку вдоль левого края камня и содержащего лишь имя и титул умершего, отсутствием личной тамги, использованием архаичных букв слоговой природы и применением γ/g вместо q/k в начале слов.

Ключевые слова

Южная Сибирь, Саяно-Алтайское нагорье, раннее средневековье, рунические эпитафии, аборигены Тувы.

Kyzlasov I.

Defining autochthon Old Turkic runic monuments of the VIII–XII centuries in Tuva

Summary

The runic epitaphs of Tuva created by the indigenous population in the VIII–XII centuries differ from classical Yenisei steles in a number of features: they are situated to the West of the funeral barrows; their texts are short; they are written in one line along the left edge of a stone and contain only a name and a title of the deceased; there is no personal *tamga*; archaic syllabic runic characters are used; γ/g are written instead of q/k in the beginning of words.

Key words

Southern Siberia, Sayan-Altay Mountains, early Middle Ages, runic epitaphs, indigenous population of Tuva.

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леопидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН; e-mail: kyzlasovil@mail.ru